

УДК 811.161.1.36

Кононова И. Ю.

*соискатель Национального университета Узбекистана,
преподаватель кафедры русского языка и литературы Чирчикского
государственного педагогического института Ташкентской области*

СЛОВО В СКОБКАХ В ПОЭТИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается функционирование скобочных вставных конструкций как художественного приема на материале поэтических и прозаических произведений М. Цветаевой. Делается вывод о том, что скобки выполняют роль маркера, разделяющего элементы художественно значимых оппозиций.

Ключевые слова: вставные конструкции, скобки, субъектно-экспрессивные формы синтаксиса, М. Цветаева.

Kononova I. Y.

*PhD student in National University of Uzbekistan,
lecturer of the Department of Russian Language and Literature in
Chirchik State Pedagogical Institute of Tashkent Region*

THE WORD IN BRACKETS IN THE POETICS OF M. TSVETAEVA

Abstract. This article describes the functioning of parentheses offset with brackets as a poetic device in M. Tsvetaeva's poetry and prose. It is concluded that the brackets play the role of a marker separating the elements of artistically significant oppositions.

Key words: parentheses, brackets, expressive syntax, M. Tsvetaeva.

Скобки представляют собой один из самых таинственных знаков пунктуации. Им свойственна функциональная парадоксальность: они одновременно выделяют и скрывают расположенную между ними информацию. Конструкции в скобках включены в границы текста, но в то же время выключены из его состава, поскольку связаны с «нарушением синтагматической цепочки» [1, с. 61].

Чем частотнее использование скобок в поэтике определенного автора или отдельного произведения, тем выше их значимость, тем больше их функциональная нагруженность. Так, в романе Е. Замятина «Мы», построенном как дневниковые записи предельно рационального главного героя, математика Д-503, в скобках прорывается подавляемое эмоциональное, иррациональное начало. В повести Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» скобки маркируют обращения к читателю. Скобки частотны в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Н. Е. Меднис отмечает, что скобки размыкают текстовые границы, обеспечивая выход к широкому социально-культурному контексту [5, с. 28].

В творчестве М. Цветаевой, для которого характерно «непрерывное экспериментирование» с синтаксисом [3, с. 154], скобки характеризуются значительной функциональной нагруженностью. При этом наблюдается как типовое, так и художественное использование скобок.

Типовое употребление скобок подразумевает пунктуационное оформление следующих случаев:

1) ссылка при цитировании:

Не «строкою», а гордою (см. «Tristia») (4, 155) ¹;

2) датирование:

Ведь никогда (1916–1931 годы) я не утверждала этой собственности, пока на нее не напали (4, с. 158);

¹ Здесь и далее цитаты из произведений М. Цветаевой приводятся по изданию: Цветаева, М. Собрание сочинений: В 7 т. — М.: Эллис Лак, 1994–1995. В круглых скобках указываются том и номер страницы.

3) метаязыковой комментарий:

А какая разница: пепел и зола? Что чище? Что (сравнительная степень) последнее? (4, с. 130);

4) перечисление примеров:

...принял название места за название стихотворного размера (рондо, газель, ритурнель) и произвел от него «коктейли», нечто среднее между коктейлем и констеблем (4, с. 152);

5) перевод:

Целые связки писем, в лентах («faveurs») (4, с. 138);

6) ремарка при прямой речи:

— Марина! (вкрадчивый голос Макса) — влюбленные, как тебе, может быть, уже известно, — глупеют (4, с. 149);

7) цитация:

Умиленная то ли орфографией, то ли карамзинским звучанием (сухие плоды), то ли точностью перевода с французского... (4, с. 133).

Помимо типовых функций, в творчестве М. Цветаевой скобки также функционируют на вертикальном срезе текста, получая, таким образом, художественную значимость. Рассмотрим эти случаи более подробно.

1. Невысказанное / безмолвная речь.

Безусловно, в самой формулировке «безмолвная речь» кроется парадокс, перекликающийся с парадоксальной природой вставок. Заключенные в скобках реплики не высказаны вслух в конкретной речевой ситуации. Однако, по прекрасному выражению М. М. Бахтина, «слово /.../ хочет быть услышанным» [2, с. 359], и не высказанное прямому адресату оказывается высказанным миллионам читателей.

«Музыкальное ухо не может вынести такого грома! — уже гремела мать, совершенно меня оглушая. — Ведь оглохнуть можно!» (Молча: «Это-то мне и нравится!» Вслух же:) «Так лучше слышно!» (5, с. 27).

— *Чудный барс. В следующий раз в «Мусажет» приходите в барсе. Приводите барса, чтобы было на чем отвести душу. (Молча: «Ася! Ася! Ася! Не выходите замуж, хотя бы за Андрея Белого!»)* (4, с. 230).

Наиболее ярким примером использования скобок для маркирования безмолвной речи является диалог в «Поэме Конца» (3, с. 36).

Как отмечает О. Г. Ревзина, «значимость этих немых обращений подчеркнута тем, что в них героиня обращается к герою на “ты” — “звучащий” же диалог героя и героини с самого начала ведется на “вы”» [6, с. 100].

2. Граница между мирами

В скобках может содержаться расширенное, дополненное фантазией толкование явлений и предметов, наделение их будоражащей воображение историей. Скобки маркируют поэтическое переосмысление и преобразование реальности.

Где-то в горах огоньки

(Видно, душа над могилой).

Синие глазки у милой

И до плечей завитки (1, с. 142);

Ни тонкий звон венецианских бус,

(Какая-нибудь память Казановы

Монахине преступной) — ни клинок

Дамасской стали, ни крещенский гул

Колоколов по сонной Московии

Не расколдуют нынче Вашей мглы (1, с. 386).

Эти фрагменты содержат примеры, условно говоря, поэтически дополненной реальности. Скобки в этом случае выполняют роль портала в мир фантазии и вымысла: читатель остается в границах реальной действительности, но сквозь этот портал видит очертания романтически

прекрасной истории, которую сам, при желании, может домыслить и продолжить. Открытая дверь в другой мир, приглашающая войти.

Иногда происходит инверсия порталов: в основном тексте реализуется эмоционально насыщенный, поэтический план, а в скобках осуществляется его заземление: иногда через конкретизацию, иногда — через резкий контраст с поэтическими мечтами; в последнем случае вставные конструкции служат своего рода обратным порталом, через который в стихотворение прорывается прозаическая реальность.

И я, как рыцарь (без пера,

Увы, без шлема и без шпаги!),

Письмо на розовой бумаге

На канделябре сжег вчера (1, с. 131);

Уходящее лето, раздвинув лазоревый полог

(Которого нету — ибо сплю на рогоже — девятнадцатый год),

Уходящее лето — последнюю розу —

От великой любви — прямо на сердце бросило мне (1, с. 491).

В юношеских стихах описанная в скобках реальность вступает в контраст с поэтической мечтой в основной части, но не разрушает её. В полудетском мире у рыцаря нет шлема и шпаги, но есть письмо на розовой бумаге и канделябр — эти детали возмещают недостающие атрибуты и поддерживают игру как персонажа, так и автора в сказочном мире. В более поздней лирике контраст между поэтическим миром и реальностью передаётся с большей горечью. Однако, как и в предыдущем примере, лирическая героиня продолжает игру — или жизнь — в прекрасном мире поэтических метафор, вопреки быту и дате, — всё с тем же, если не ещё большим, упоением.

3. Полифония

О. Г. Ревзина отмечает возможность использования скобок в качестве «средства введения полифонии», «рассмотрения одной и той же информации в двух коммуникативных планах» [6, с. 469].

В текстах Цветаевой может быть выделено три наиболее типичных коммуникативных плана, которые условно можно обозначить как своё — нейтральное — чужое (чуждое) слово.

И вот — видение: Пушкин, переносящий, проносящий над головой — все море, которое еще и внутри него (тобою полн), так что и внутри у него все голубое — точно он весь в огромном до́ неба хрустальном яйце, которое еще и в нем (Моресвод) (5, с. 86);

«Татары» — татары в белых балахонах, в каменном доме без окон, между белых столбов убивающие главного татарина («Убийство Цезаря») (5, с. 58).

«Иду на несколько минут.»

В работе (хаосом зовут

Бездельники) оставив стол,

Отставив стул — куда ушел? (2, с. 324).

В первом случае в соотношении ВК и базовой части реализуется антиномия детскость / взрослость со всеми вытекающими из нее последствиями: незамутненная непредвзятость, но вместе с тем односторонность и неточность восприятия / точность и узнаваемость, но догматичность и отсутствие тайны, загадки и попытки познания. Смутное, удивленное детское восприятие контрастирует с четкостью и однозначностью «взрослого» наименования, устраняющего неясность, но вместе с ней стирающего и загадку.

Во втором случае, напротив, повествователь выносит в ВК «свое» слово — окказионализм *моресвод*, образованный по аналогии с общеупотребительной лексемой *небосвод*. В «Истории одного

посвящения» Цветаева использует также окказионализм *огнесвод* (4, с. 129). Это ситуация субъективного именованья.

Третий пример содержит три голоса: голос персонажа стихотворения (закавыченная прямая речь), слова повествователя (основной текст) и чужая речь — чуждое слово «бездельников», предлагающее другую номинацию («хаос») для того, что повествователь называет работой.

4. Переключение модально-временных планов

Как указывает М.Н. Кулаковский, в скобках может происходить переключение «с плана настоящего повествования в основном предложении на план прошлого или будущего (реального или моделируемого) во вставке, с плана прошлого в основном предложении на план настоящего, связанный с повествователем во вставке» [4, с. 91].

В юношеской лирике Цветаевой чаще происходит переключение с прошедшего или настоящего в основной части на будущее в скобочной конструкции. Кроме того, вставка может выражать ирреальную модальность. В более поздних стихотворениях модально-временное соотношение меняется: происходит переключение с прошедшего времени в основной части на настоящее в скобочной конструкции.

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке

(Будет много блужданий-скитаний среди снега и тьмы!) (1, с. 85);

Волос тяжелое кольцо

Из-под наброшенного шарфа

(Вам шла б гитара или арфа)

И ваше бледное лицо. (1, с. 25);

Было время — я жаждала зова,

И ждала, и звала. (Я того, кто не шел, — не виню) (1, с. 195).

5. Прямое перенесение в прошлое

В автобиографической прозе Цветаевой нередко встречаются фрагменты детских воспоминаний. При этом в речевой структуре текста

поочередно звучат голоса взрослого и ребенка. Особенности взаимодействия этих голосов эксплицитно описаны в скобках: *(Это я сейчас говорю, но знала уже тогда, тогда знала, а сейчас научилась говорить.)* (5, с. 77). «Научившийся говорить» взрослый передает ранее не вербализованные детские впечатления. Параллельно с этим относительно объективным и абстрагированным взрослым голосом в повествовании время от времени прорывается удивленный, дающий свои наименования привычным нам вещам голос ребенка. Детское слово, голос ребенка в скобках служит мгновенным способом перенесения в прошлое. Скобки, словно кнопка магнитофона, воспроизводят и останавливают памятную запись.

И жучку в салазки не садили, а салазки — были, синие, бархатные, с темно-золотыми гвоздями (глазами) (5, с. 74);

«Сквозь волнистые туманы пробирается луна...» — опять пробирается, как кошка, как воровка, как огромная волчица в стадо спящих баранов (бараны... туманы...). *«На печальные поляны льет печальный свет она...»* (5, с. 79);

Может быть, они правы, и может быть, не прочти я его до семи лет... но я прочла его в том возрасте, когда ни шуток, ни сатиры нет: есть темные сады (как у нас в Тарусе), есть развороченная постель со свечой (как у нас в детской), есть блистательные паркеты (как у нас в зале) и есть любовь (как у меня в грудной ямке) (5, с. 73).

Скобки, вводящие голос ребенка, чаще всего содержат основанную на созвучии детскую ассоциацию с номинацией из базовой части. В некоторых случаях (третий пример) на реализацию голоса ребенка указывают личные местоимения и грамматическое настоящее время высказывания.

Таким образом, в поэтике М. Цветаевой скобки, помимо типовых функций, выполняют роль маркера границы между следующими оппозициями:

- 1) сказанное/невысказанное;
- 2) реальность/вымысел;
- 3) нейтральное / своё / чуждое;
- 4) прошлое / настоящее / будущее;
- 5) взрослое / детское.

Литература

1. Ли, Т. Г. (2021). Вопросы использования аутентичных материалов на уроках русского языка. Экономика и социум, 11.
2. Li, T. G. (2020). Вопросы применения лексической работы на современном этапе преподавания русского языка как иностранного в высших учебных заведениях. EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR) - Peer Reviewed Journal, 6(4), 259-261.
3. Ли, Т. Г. (2021). Жанровое своеобразие сказки АМ Ремизова "Зайка". Филология и литературоведение, 12, 3-3.
4. Зиядуллаевна, Н. Г., & Тахировна, М. Т. (2020). Обучение студентов к инновационной педагогической деятельности на основе кластера. Суз санъати, (3).
5. Narkuzieva, G. (2020). Modern trends in educational psychology and psychology of education. Science and Education, 1(Special Issue 2), 99-102.
6. Накузиева, Г. З. (2019). Смешанное обучение русскому языку как иностранному. Молодой ученый, (9), 200-202.
7. Наркузиева, Г. З. (2019). Смешанное обучение русскому языку как иностранному. Молодой ученый, (9), 200-202.
8. Наркузиева, Г. З. (2021). Ўзга тилли гурухлар учун рус тилини ўрганишда луғат ишининг аҳамияти. Academic Research In Educational Sciences, 2(1), 1078-1084.

9. Narkuziyeva, G. Z. (2021). Importance of pedagogical ethics in education. *Academic Research in Educational Sciences*, 2(3), 971-974.
10. Тангилова, Г. И. (2020). Интерактивное образование и его дидактические возможности. *Science and Education*, 1(Special Issue 3).
11. Тангилова, Г. И. (2021). Мифологические реминисценции в современной русской прозе (ПРОЗА АС ПЕТРУШЕВСКОЙ, Л. УЛИЦКОЙ, Н. БАЙТОВА). *Scientific progress*, 1(4).
12. Тангилова, Г. И. (2021). Развитие философской лирики на фоне русского романтизма. *Academic research in educational sciences*, 2(9), 851-857.
13. Файзуллаев, Д. Ж., & Рустамова, С. Э. (2021). Отбор содержания учебного материала по типам русской научной монологической речи для студентов иноязычных групп вузов. *Academic Research In Educational Sciences*, 2(6), 1429-1436.
14. Файзуллаев, Д. С., & Рустамова, С. Э. (2021). Развитие логического мышления при обучении русскому языку как неродному у студентов иноязычных групп. *Academic Research In Educational Sciences*, 2(6), 1437-1441.
15. Атабаева, Г. А., & Файзуллаев, Д. С. (2021). Сопоставление (сравнение) как общедидактический и методический прием в литературе. *Academic Research In Educational Sciences*, 2(8), 363-367.